



Оклеветанный сатирикъ.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова).

Близится 25-я годовщина со дня кончины великаго русскаго сатирика, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Онъ умеръ 28-го апрѣля 1889 года. Задолго до своей кончины Салтыковъ хворалъ, но болѣзнь не мѣшала ему создавать все новыя и новыя замѣчательныя произведенія. Среди нихъ мы видимъ и высоко эпическія („Господа Головлевы“ и „Пошехонская Старина“), и произведенія глубоко сатирическаго характера („Письма къ тетенькѣ“, „За рубежомъ“ и „Пошехонскіе рассказы“), по которымъ можно послѣдовательно прослѣдить и изучить цѣлое 30-тилѣтіе русской дѣйствительности—до и послѣ эпохи реформъ. Даже послѣднія произведенія русскаго Свифта отнюдь не свидѣтельствуютъ объ упадкѣ таланта полубольнаго писателя, страдавшаго болѣзью сердца, почекъ, печени, одышкой и непрерывнымъ кашлемъ. Велики, значить, были мощь духа и сила генія, которыя съ каждымъ годомъ поднимались на большую и большую высоту.

Люди, находившіеся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ, приходившіе постоянно и повседневно въ соприкосновеніе съ нимъ, диву давались, когда изъ-подъ пера желчнаго, суроваго и жаловавшагося на свои неудачи и недуги писателя выходили дышавшія такимъ неподражаемымъ юморомъ сатиры, вызывавшія улыбки даже на устахъ у тѣхъ, противъ кого, казалось, онѣ были направлены,—у всѣхъ этихъ помпадуровъ, ташкентцевъ, Глуповыхъ, Молчалиныхъ, Угрюмъ-Бурчеевыхъ, Іудушекъ-Головлевыхъ и другихъ, увѣковѣченныхъ сатирикомъ, современниковъ и героевъ.

— Подъ какимъ соусомъ вы теперь выведете меня?—спросилъ однажды, улыбаясь, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатъевъ Щедрина, послѣ официального приѣма редакторовъ и учиненной имъ распеканціи.

— Намъ не до соусовъ, не до соусовъ!.. —запальчиво отвѣтилъ Щедринъ и отвернулся въ сторону.

„Не до соусовъ“ было, въ самомъ дѣлѣ, въ то время, писателямъ. которыхъ истребляли подъ самыми разнообразными соусами Угрюмъ-Бурчеевы, помпадуры и даже унтера Пришибѣвы...

— „Ахъ, это писательское ремесло—воскликаетъ въ одномъ мѣстѣ Щедринъ—это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь прежде, чѣмъ попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною не дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный“!..

Послѣдніе годы жизни Щедрина отравлены были пережитою имъ журнальною катастрофою. Закрытіе редактировавшихся сатирикомъ „Отечественныхъ Записокъ“, послѣдовавшее ровно 30 лѣтъ назадъ въ апрѣлѣ 1884 г., было страшнымъ ударомъ для него. Онъ почувствовалъ себя упраздненнымъ, выбитымъ изъ колеи и сразу осунулся.

Оно и неудивительно.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ съ момента перехода ихъ въ руки Некрасова въ 1868 г. до закрытія ихъ въ 1884 г. Салтыковымъ была напечатана большая часть его сатирическихъ очерковъ ¹⁾. Еще при жизни Некрасова Салтыковъ былъ однимъ изъ руководителей „Отечественныхъ Записокъ“, а съ 1878 г. утвержденъ редакторомъ и отдавалъ журналу всего себя, всѣ біенія своего сердца.

Прекращеніе „Отечественныхъ Записокъ“ порвало многолѣтнюю связь сатирика съ „читателемъ-другомъ“. Мысль объ оторванности отъ читателя не покидала Щедрина ни на минуту. Онъ, правда, находилъ пріютъ къ другимъ изданіямъ, но чувствовалъ себя въ нихъ, по его характерному выраженію, „иностранцемъ“. „Нѣтъ ничего ужаснѣе“, — пишетъ Салтыковъ Михайловскому, — „какъ чувствовать себя иностранцемъ въ

¹⁾ „Помпадуры и помпадурши“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Убѣжище Монрепо“, „За рубежомъ“, „Круглый годъ“, „Шошехонскіе рассказы“, „Письма къ тетенькѣ“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Современная идиллія“, „Господа Головлевы“ и мн. др.

журналѣ, въ которомъ работаешь. А я нахожусь въ этомъ положеніи“.

Все, что было пережито сатирикомъ съ закрытіемъ „Отечественныхъ Записокъ“, изображено имъ самимъ въ одной изъ сказокъ—„Приключеніе съ Крамольниковымъ“, который „однажды утромъ, проснувшись, совершенно явственно ощутилъ, что его нѣтъ“.

Возвращается Салтыковъ къ своимъ переживаніямъ въ ту эпоху въ первомъ „Пестромъ письмѣ“, начинающемся словами: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совершенно неожиданно лишился употребленія языка“.

Все чаще и чаще Салтыковъ сталъ поговаривать о своихъ жестокихъ недугахъ и близкой кончинѣ. Тому же Михайловскому онъ вскорѣ послѣ закрытія журнала писалъ: „Думаю, что моя пѣсня уже спѣта... Желаю мирной кончины живота моего...“

И, дѣйствительно, лишившись столь дорогого ему литературнаго пристанища, Салтыковъ сталъ быстро клониться къ могилѣ“...

На обстоятельствахъ, сопровождавшихъ закрытіе „Отечественныхъ Записокъ“, имѣвшее такое роковое значеніе для Салтыкова, стоитъ поэтому остановиться.

Предо мною лежитъ относящееся къ тому времени письмо сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ и небызвѣстнаго писателя и военнаго корреспондента Н. В. Максимова, брата автора „Бродячей Руси“. Письмо это, впервые публикуемое мною здѣсь въ извлеченіи, говоритъ, между прочимъ, о переживаніяхъ Салтыкова въ эпоху закрытія его журнала.

Потрясенный извѣстіемъ о кончинѣ любимаго писателя, заставшимъ его прикованнымъ къ постели въ уединенной комнатѣ въ Одессѣ, Максимовъ подѣлился со мною своими воспоминаніями о почившемъ. Письмо Максимова явилось отвѣтомъ на мою просьбу написать очеркъ о Салтыковѣ для редактировавшейся мною въ провинціи газеты.

„Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ—сообщаетъ Максимовъ—незадолго до закрытія журнала „Отечественныя Записки“. Помню, какой наступилъ тяжелый періодъ для литературы—періодъ необыкновенной реакціи, когда несчастному нашему кружку пришлось страдать подъ вліяніемъ гоненій цензуры (не только цензуры—сколько III-го отдѣленія)“...

Максимовъ излагаетъ затѣмъ судьбу своего разсказа „Матрешка“, застрявшаго у Салтыкова въ портфель „Отечественныхъ Записокъ“. Разсказъ былъ одобренъ И. С. Тургеневымъ, двукратно цензура вырѣзывала его изъ журналовъ „Слово“ и „Устой“, но, при содѣйствіи „необыкновенно милого и гуманнаго члена главнаго управленія по дѣламъ печати Юзефовича“, разсказъ былъ разрѣшенъ къ печатанію и переданъ Салтыкову. Скоро послѣдовало назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, а вслѣдъ за этимъ закрыты „Отечественныя Записки“.

— „Тутъ есть другая сторона—говорить далѣе Максимовъ—чрезвычайно интересная для нѣкоторой разработки съ благородной цѣлью—снять *позорное пятно* (?) съ покойнаго нашего сатирика, котораго заклеимилъ такъ варварски и такъ несправедливо умершій министръ внутреннихъ дѣлъ (Д. А. Толстой). Говорить объ этомъ теперь съ откровенностью порядочнаго человѣка нельзя, пожалуй, выйдетъ нецензурно. Но можно было бы поговорить, ссылаясь и на нѣкоторыя мѣста и сочиненія покойнаго Михаила Евграфовича, и на слова Толстого при закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“.

Къ сожалѣнію, болѣзнь, а затѣмъ отъѣздъ въ Америку и смерть помѣшали Максиму исполнить свое обѣщаніе, о которомъ я не разъ напоминалъ ему—сообщить объ извѣстныхъ ему лично подробностяхъ, относящихся къ закрытію „Отечественныхъ Записокъ“, и о „позорномъ пятнѣ“, наложенномъ на репутацію сатирика.

На что намекалъ Максимовъ, когда говорилъ о „позорномъ пятнѣ“ на репутаціи М. Е. Салтыкова — на этотъ счетъ возможны одни лишь предположенія и догадки.

Скончавшійся недавно извѣстный писатель—Г. пустилъ въ ходъ сказаніе о присвоеніи Салтыковымъ, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, какихъ-то предназначенныхъ для агитаціонныхъ цѣлей суммъ, перешедшихъ потомъ къ его наслѣдникамъ. Это явная нелѣпость, которую едва-ли надо долго опровергать. Послѣ крушенія журнала Салтыковъ въ письмѣ къ своему закадычному другу д-ру Н. А. Бѣлоголовому, отъ котораго у него не было никакихъ тайнъ, жаловался на свои матеріальныя невзгоды. „И матеріальныя нужды вопіютъ — писалъ онъ 28 іюня 1884 года—съ прекращеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“ я потерялъ 12 — 13 тысячъ рублей, а теперь и доходъ съ сочиненій сократится на три четверти, потому что публика наша такова, что раскупаетъ только тѣхъ авторовъ, которые о себѣ напоминаютъ“...

Столь же неосновательна и другая версія, будто Салтыковъ

пытался утилизировать свои старыя лицейскія знакомства и связи для огражденія своей личной безопасности и для избавленія журнала отъ угрожавшихъ ему каръ. Въ такихъ попыткахъ не было бы ничего зазорнаго, и едва-ли ихъ можно было вмѣнять въ вину Салтыкову. Некрасовъ, какъ извѣстно, сочинялъ стихотворные диэирамбы Муравьеву и Коммисарову, чтобы умилостивить своихъ гонителей. Но и противъ приписывавшагося ему обращенія къ покровительству „власть имущихъ“ изъ его лицейскихъ товарищей и бывшихъ сослуживцевъ по государственной службѣ Салтыковъ горячо протестовалъ. „Я серьезно знаю людей—писалъ онъ 11-го мая 1884 г. тому же Бѣлоголовому—которые прямо говорятъ, что я-де, только благодаря протекціи, не засланъ къ Вотъ что значитъ говорить о Катковѣ“!

Свои цензурныя злословія Салтыковъ, повидимому, приписывалъ, главнымъ образомъ, своей борьбѣ съ московскимъ „с—мъ“,—какъ назвалъ однажды А. С. Суворинъ Каткова. Но официально Салтыкову и его журналу вмѣнялась въ вину близость къ революціоннымъ элементамъ. Сочиненное графомъ Д. А. Толстымъ официальное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, являющееся настоящимъ обвинительнымъ актомъ, прямо говорило о постоянныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ, будто, между журналомъ, въ лицѣ его главныхъ руководителей, и подпольными революціонными организаціями.

Въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“—гласитъ обвинительный актъ Толстого—„группировались лица, состоявшія въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонными организаціями. Завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ журнала былъ участникомъ преступной организаціи. Два сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ были арестованы за доказанное пособничество дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ—говорить далѣе правительственное сообщеніе—что, при такой обстановкѣ, статьи самого отвѣтственнаго редактора (т. е. Салтыкова), которыя, по цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны въ журналѣ, появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ, принадлежащихъ эмиграціи“.

Что цензурный гнетъ заставлялъ не однихъ профессиональныхъ писателей, но иной разъ и либерально настроенныхъ чиновниковъ снабжать своими статьями и свѣдѣніями издававшіеся за границею нелегальныя русскія журналы—это извѣстно еще со временъ герценовскаго „Колокола“.

Возможно, что и вырѣзывавшіяся цензурою сатиры Щедрина направлялись его друзьями въ нелегальныя изданія. Но

отсюда далеко до причастности къ революціонной активной дѣятельности и къ террористическимъ актамъ, — на что прямо указываетъ правительственное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“. Во всякомъ случаѣ, для Салтыкова закрытіе журнала было въ чужомъ пиру похмѣлье. Какъ мы увидимъ ниже, сатирикъ былъ далекъ отъ сочувствія революціонерамъ и не считалъ таковыми своихъ сотрудниковъ. Кара, обрушившаяся на него и любимый имъ журналъ, была, поэтому, совершенно несправедлива.

„Выходитъ—писалъ Салтыковъ черезъ 4 дня послѣ крушенія „Отечественныхъ Записокъ“ Бѣлоголовому — что журналъ прекращенъ не за содержаніе, а за то, что нѣкоторые изъ его сотрудниковъ арестованы. Но и въ департаментахъ арестовываютъ чиновниковъ“...

Насколько самъ Салтыковъ былъ далекъ отъ какой-либо революціонной дѣятельности и активныхъ выступленій, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго: „Скажу вамъ откровенно—писалъ онъ въ мартѣ 1882 года д-ру Бѣлоголовому — всѣ эти убійства, покушенія и проч. дѣлаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошлы... Не только никакого дѣла дѣлать нельзя, но и разобратся въ этой галиматьѣ трудно. Хоть бы смерть скорѣе“...

Салтыковъ сомнѣвался и въ „революционности“ своихъ сотрудниковъ. Еще за два года до закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ сообщаетъ своему другу: „Высылаютъ изъ Петербурга Михайловскаго и Шелгунова (редактора „Дѣло“). Причина выставлена та, что были на балу у студентовъ Технологическаго Института, а тамъ Михайловскаго качали, а онъ что-то говорилъ. Михайловскій увѣряетъ, что онъ убѣждалъ студентовъ въ *нсприродности безпорядковъ*“. Между тѣмъ, какъ гласило официальное сообщеніе, Михайловскій произнесъ-де „крайне возмутительную рѣчь, приглашая студентовъ къ противодѣйствию правительству“.

Въ одной старой записной книжкѣ своей я нашелъ такую запись, относящуюся, повидимому, къ балу технологовъ, о которомъ говоритъ Салтыковъ: „Былъ вчера (въ концѣ поября 1882 г.) въ Дворянскомъ Собраніи на балу студентовъ технологовъ. Видѣлъ Гаршина, гулявшаго по заламъ съ Михайловскимъ. Обои мъ устраивали оваціи, особенно послѣднему. Его качали. „Если бы у васъ всѣхъ была одна голова — отвѣтилъ Михайловскій на оваціи—то я обнялъ бы ее и расцѣловалъ“... Надо полагать, что возбуждающей революціонной рѣчи Михайловскій тогда студентамъ не говорилъ, иначе она нашла бы

себѣ какое-либо отраженіе въ записной книжкѣ молодого человека, благоговѣвшаго передъ радикальнымъ публицистомъ.

Какъ бы то ни было, я не думаю, чтобы радикально настроенный Максимовъ усматривалъ „позорное пятно“ на репутаціи Салтыкова въ томъ обстоятельствѣ, что правительственное сообщеніе о закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“ облыжно приписывало сатирику революціонные замыслы и близость къ подпольной печати и къ революціоннымъ организаціямъ. Остается пожалѣть о томъ, что мой корреспондентъ унесъ въ могилу нѣкую ему извѣстную тайну, относившуюся къ факту закрытія радикальнаго журнала и къ его редактору, не одосужившись изложить ее на бумагѣ—хотя бы для свѣдѣнія потомства...

Одно несомнѣнно: крушеніе любимаго дѣла — „Отечественныхъ Записокъ“ окончательно сломило надорванные силы Салтыкова. Но и изможденный недугами сатирикъ продолжалъ писать, выпуская одно произведеніе за другимъ, хотя чувствовалъ себя, какъ мы видѣли, стѣсненнымъ, въ качествѣ сотрудника чужихъ изданій. Борясь съ болѣзнями, заглушая душившій его кашель и подкрѣпляя себя цѣлой аптекой лѣкарствъ, писатель не желалъ, однако, чтобы слухи о состояніи его здоровья проникали въ публику. Онъ боялся, что это отразится на немъ и матеріально. За недѣлю до смерти Салтыковъ отрицалъ печатно извѣстіе о тяжелой его болѣзни и выражалъ увѣренность, что доведетъ до конца приготовлявшееся имъ для печати полное собраніе своихъ сочиненій, которое должно было поправить его пошатнувшіеся финансы. Онъ показывалъ навѣщавшимъ его начатую имъ новую работу—„Забытыя слова“, о которыхъ собирался напомнить своимъ соотечественникамъ. Отъ болѣе близкихъ друзей Салтыковъ не могъ, однако, скрывать, что рука его отказывается писать. Передъ самой кончиной онъ успѣлъ набросать планъ изданія полного собранія сочиненій. 28 апрѣля 1889 года М. Е. Салтыковъ отдалъ Богу свою многострадальную душу.

Почти одновременно скончался тотъ, кто нанесъ сатирику тяжелый ударъ, ускорившій его кончину, лишивъ его литературнаго крова, и сбивъ его съ боевой позиціи. Бюрократія оплакивала одного изъ своихъ столповъ—графа Д. А. Толстого, а вся читающая и мыслящая Россія съ неподдѣльной искренностью оплакивала кончину любимаго писателя и „друга правды“, умершаго, какъ воинъ на своемъ посту, съ перомъ, не разъ вырывавшимся изъ его коченѣвшихъ рукъ...

А. Е. Кауфманъ.